

УДК 1(091)

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-121-130

ПЛАТОНИЗМ У Г.Г. ШПЕТА И О СУЩНОСТИ И ЗАДАЧАХ ФИЛОСОФИИ (К 100-ЛЕТИЮ ВЫХОДА СТАТЬИ «МУДРОСТЬ ИЛИ РАЗУМ?»)

Шевцов А.В.*Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет)
125080, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 4, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу работы отечественного философа Густава Шпет «Мудрость или разум?» (1917), в которой исследовался актуальный вопрос о сущности философии и её отношении к проблемам науки. Тема рассматривается через призму логики и философской диалектики, платонизма. Раскрываются взгляды русского философа на сущность философии и место в ней логики как усмотрения и выявления значения самоочевидных истин для последующего строительства логик. Показывается понимание Г.Г. Шпетом сущности философии как строго проведённой интерпретации по канонам логики. Доказывается мысль об оригинальном видении Шпетом идеи философии как поиска истины и о правомерности его концепции в истории отечественной философии и истории логики. Автор приходит к выводу, что симпатии отечественного мыслителя были на стороне критического рационализма, положительной философии, которая, по его убеждению, ближе стояла к своему подлинному идеалу чистой философии.

Ключевые слова. Г.Г. Шпет, платонизм, сущность философии, логика, эйдос, эйдетическое познание, феноменология.

G.G. SHPET'S PLATONISM AND ON THE ESSENCE AND TASKS OF PHILOSOPHY (TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE PUBLICATION OF THE ARTICLE "WISDOM OR REASON?")

A. Shevtsov*Moscow Aviation Institute (National Research University)
4, Volokolamskoe highway, Moscow, 125080, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the work of the Russian philosopher Gustav Shpet "Wisdom or Reason?" (1917) which investigated the issue of the essence of philosophy and its relation to scientific problems. The theme is examined through the prism of logic and philosophical dialectics of Platonism. The views of the Russian philosopher are revealed on the essence of philosophy and the place of logic in it. Logic was understood by Shpet as a means of revealing the sense of self-evident truths for subsequent construction of logics. G.G. Shpet considered the essence of philosophy as a strictly conducted interpretation according to the canons of logic. The author of the article highlights the idea of Shpet's original vision of philosophy as a search for truth and validity and highly estimates the thinker's contribution to the history of Russian philosophy

and the history of logic. It is concluded that Shpet sympathized with critical rationalism, a positive philosophy that he believed was closer to the true ideal of pure philosophy.

Key words: Gustav Shpet, Plato, Michail I. Karinsky, the essence of philosophy, logic, eidos, eidetic cognition, phenomenology.

Написанная в январе 1917 г. отечественным философом и учёным Густавом Густавовичем Шпетом (1879–1937) статья под полемическим названием «Мудрость или разум?» первоначально задумывалась им как более обширное сочинение «Введение в философию». Главным тезисом философии как европейской науки, по Шпету, было и есть то, что философия есть чистое знание. Она не есть сказка и мудрость, хотя фанатизм Востока силой и угрозой преграждал ей этот путь [15, с. 463]. Поэтому следует, как подчёркивал Г.Г. Шпет, «тщательно различать между философией как чистым знанием и научной философией» [15, с. 458]. Шпет обращал внимание на то, что если мы говорим о научной философии, то в этом случае либо она бесцельно удваивает научные решения вопросов, либо она выходит за границы отдельных наук и берётся решать научными средствами вопросы, которые научному решению не подлежат [15, с. 458]. В последнем случае философия берёт за образец какую-либо специальную науку и тотчас же выходит за её границы. Поэтому она становится метафизикой, псевдофилософией, заключал Г.Г. Шпет. Отсюда возникает многочисленность направлений научной философии, что лишает её единства оснований. Но только в единственном случае, когда философия выступает как чистое знание, она не противопоставляет себя другим наукам, потому что она сама является наукой.

История и история философии имеет дело со словесной реальностью, «с которой можно работать гуманитарно-научными средствами», как подчеркнула Т.Г. Щедрина мнение Шпета в его переписке с Гуссерлем [2, с. 52]. Поэтому в этом процессе осмысления истории философии на первый план выходит интерпретация как попытка понять логику исторических причин написания текста, затем философская реконструкция мысли автора имеет ценность, только если придерживаться строгой методологии. И в этом вопросе Шпет выстраивал именно такую методологию [9, с. 125]. Здесь показывается, что Г.Г. Шпет рассматривал построение такой методологии в философии только на основе возникновения логики, тенденции, которую он прослеживал, начиная с античной философии.

По определению Платона, писал Шпет, Парменид был первым европейским философом. Именно Парменид Платона [8] ясно проводил различие между философией как чистым знанием и псевдофилософией как сказкой, мифом, «мнением», поскольку они претендуют на философский титул [15, с. 463]. И именно Платон, по Шпету, как гений положительной европейской философии был первым интерпретатором Парменида. Платон углублял, укреплял и развивал начала, заложенные Парменидом, и тем самым ещё определеннее отмежевывал философию как знание от псевдофилософии [15, с. 467]. Шпет подчёркивал

важность для философии как чистой науки выбора Платона между мнением и знанием. Для того чтобы избежать упреков в псевдофилософии, настаивал Шпет, что именно учение об идеях у Платона нуждалось в особом разъяснении и углублении, «так как именно оно дало повод к многочисленным искажениям псевдофилософского характера: идеи как “реальности”, идеи как “законы” и “методы” и ... наконец, по наименее удачному остроумию точности, идеи как “мысли Бога”, – всё это – соблазны, но никак не углубления» [15, с. 470]. Точно также это имеет место в случае сопоставления философии и математики, мол, сравните точность в математике, но где точность в философии? Сравнение здесь можно провести в плоскости достигнутых успехов и в плоскости особенностей предмета точной математики и точной философии. Шпет устанавливал здесь, что результаты математики всё-таки отвлечённые, она абстрагируется от живого опыта, от факта, что всё дано нам дано через сознание. Но вместе с тем отвлечённость от сознания в осознании одновременно есть и отвлечённость от содержания. И поэтому отсюда он вынес резюме, что математика существенно онтологична (т. к. она граничит с реальными вещами и задачами). Это совпадало с мыслью Платона, по Шпету, что «рассудок, способность геометров, между мнением и умом, – математика имеет дело с предметной сущностью, но ещё не с мыслью, направленной на этот предмет, как такой» [15, с. 471]. Напротив, философия должна всегда оставаться конкретной, философия существенно принципиальна, а не онтологична, но сходство математики и философии в

том, что они обе имеют дело с сущностью, а не с фактом – они обе науки, а их знание, настаивал Г.Г. Шпет, – *усилогическое* или *эйдетическое*. Но если философия поддаётся увлечениям математической точности, то становится онтологической и абстрактной. И поэтому проигрывает в этом подражании математике, но вместе с тем одновременно философия как знание – сама будет точной и конкретной. Но русский мыслитель говорит, что их точность не одно и то же. «Речь идёт, очевидно, о логических приёмах того и другого типа знания, но в то время как в математике мы встречаемся с приёмами определения, доказательства, дедукции и т. п., в философии мы требуем точности указания, описания, уяснения, приведения к первичной данности. Математика по существу дискурсивна, философия – интерпретативна» [15, с. 472]. Точность в философии состоит в её приближении к логическому идеалу. Но сравнивать степень точности диалектически-философской и демонстративно-математической, писал Шпет, имеет не больше смысла, чем сравнивать ценность посылок силлогизма с ценностью поочтовой посылки.

Далее Густав Шпет критикует позицию Бертрана Рассела, автора «Принципов математики», опираясь при этом на Луи Кутюра, французского математика, занимавшего в своё время несколько другую позицию по основаниям математики. Отечественный учёный здесь заключал, что математическая точность должна рассеяться, и обнаруживал некоторые черты сходства между философией и математикой. Так, Рассел обнаружил, что в новейшей математике пришли к от-

крытию, в чём действительно состоит математика. Это его утверждение с успехом подходит и для состояния философии, но в последней было сделано также и то, что философия яснее, чем математика, сумела объяснить разницу в самих результатах философского и математического знания. Напротив, Шпет резюмировал, что для философии «...при таком понимании математики, если её и сопоставлять с логикой, то нужно сопоставлять её с особым “ядром” и основой логики в широком смысле, с так называемой “чистой логикой”, для которой существенным является её чисто предметный онтологический характер, вследствие которого она только и оказывается чисто формальной дисциплиной» [15, с. 474]. Из этого положения следовало, что и чистая математика вместе с чистой логикой включаются в философскую сферу – сферу формальной онтологии. Отсюда, замечал Шпет, следовало определение философией задач философского знания и её ответ на вопрос, в чём состоит философия – она не только указывает место разным типам точного знания, но определением этого места указывает и то различие качества самой точности, неясное сознание которого порождало столько недоразумений [15, с. 475].

Здесь мы можем указать на тот “остаток” для мысли, который не очевиден, который не прочитывается в логической формуле и который не содержится в грамматическом строе речи или предложения. Здесь имеется в виду то, что связано с пониманием, с осознанием и воспроизведением после того, что воспринимается из текста или речи. М.И. Каринский в своё время в «Классификации выводов» назы-

вал понимание аппрегензией [3], для которого в сознании как бы “подключаются” обрывки из прошлого опыта как различные конфигурации из памяти. Человек даже не в состоянии сказать, это его собственные переживания из прошлого опыта или это моментальные компоновки сознанием из различных виденных пережитых или не переживавшихся им лично, но перехваченных его восприятием опытов других людей. В связи с этим миром работы восприятия, вероятно, надо говорить и ещё об одном слое логики, а именно об интуитивной компоненте логики. Например, формальная логика обращается как к своей собственной составной фундаментальной части, так и к интуитивной своей части. В этом смысле понимание достигается путём отождествления (узнавания как того, что наступило сейчас с тем, что уже когда-то переживалось). Но это сличение, по Каринскому, происходит не как A тождественно B , а путём выявления общего ядра или агрегата. Т. е., мы воспринимаем два предмета или состояния как тождественные не потому, что они принципиально равны друг другу, а по группе признаков, по агрегату черт, по выборке, производимой в данный момент нашей когнитивной способностью. Вполне возможно, что в другой момент времени выборка будет осуществляться по другим критериям, чертам сличаемых тех же самых предметов, и в уже этой выборке сравниваемые стороны окажутся разными, что не дадут оснований воспринимать их тождественными. В этом отношении мы сопоставляем концепцию логики Каринского [4] с пониманием роли самой феноменологии в философии у Шпета как некого

основания и для самой философии, и для частных наук [14, с. 152].

Шпет подчёркивал, что на этом критическом пути в «пункте освождения себя от всякого рода догматов научного и здравого смысла, современная философия предъявляет к себе требования такой строгости, о которой она не ведала во всём своём прошлом. Только теперь она до конца проникается величиим двух заповедей философской строгости, – исходящих опять-таки от Платона» [15, с. 475, 476]. Во-первых, для философии как чистого знания нет истин важных или неважных. Во-вторых, для философии как чистого знания нет ничего самого собою разумеющегося.

Шпет замечал здесь совершенно в согласии с Платоном, что «...мы ограничиваем философию как знание не затем, чтобы стеснить другие типы знания, а затем, чтобы эти последние, между прочим, яснее понять в их свободе “мнения”, а также и затем, чтобы, эмансипировавшись от псевдофилософии ... предоставить ей полный простор в её деле “утешения” человечества и “осмысления” его судеб...» [15, с. 476, 477]. Это есть предмет изучения историей философии как псевдофилософии, что, отличаясь большой подражательностью и суггестивностью, всегда приходит к обоснованию мира, как и практически любая эмпирическая наука. Это вопрос сознания, как его отчасти раскрывал Платон в «Тететте», что «душа сама с собою ведёт речь о том, что она рассматривает» [15, с. 499]. Шпет здесь подчёркивал самостоятельное значение логики, науки, которая нужна не только для “переключения” между актуальными формами знания и проверки самой себя,

но «что для нас слова знание и логическое знание существенно оказываются синонимами» [15, с. 500, 501]. Это рассуждение, на наш взгляд, сближается сегодня в философии с концепцией Ноама Хомского (Chomsky) о переключении между различными пластами знаний, с одной стороны, и отчасти с трактовкой знания Мишелем Фуко, с другой.

В принципе, эта статья Г.Г. Шпета была направлена прежде всего на критику психологизма в философии, как это и подчёркивал И.М. Чубаров ещё в своей статье в «Логосе» [10, с. 268, 272] и в своей статье о Шпете в энциклопедии «Русская философия» [12, с. 782–784], как на имевшее место у Г. Шпета определение сущности науки и философии, и в особенности так называемой “предфеноменологии”.

Г.Г. Шпет, как мы увидели выше, определял место логики в философском знании, он даже говорил о “логическом слое”, через который мы видим всё содержание знания, поэтому и всё знание даётся не иначе, как только в необходимо присущих ему логических формах [15, с. 501]. Поэтому логическая природа знания есть такой же существенный признак знания, как аналогично интенциональность будет таким же существенным признаком сознания. В этом пункте Шпет не преминул упрекнуть тех критиков логического подхода, которые, будучи некоторыми представителями псевдофилософии, требовали отказа от строгих формализованных форм логики или логики (так в те годы именовали философию математики или математическую логику). Шпет указывал, что представители псевдофилософии саму же логику ниспровергают логи-

ческими же средствами, а на месте логики они желают видеть “инстинкт”, “полноту жизни”, “жизненный порыв”, “переживание” и другие якобы преимущества дословесного животного [15, с. 501]. Здесь Шпет отсылает к рассуждениям “христианского Цицерона” – Лактанция, который отказывал логике в некоей божественной учёности якобы только потому, что мудрость не в языке, а в сердце ибо домогаются вещей, а не слов, ибо мы рассуждаем не о грамматике или самом ораторе, а о мудрости, учение которой в том, как надо жить и тому подобные слова. Далее Густав Густавович писал, что в некоторых псевдофилософских кругах стали ссылаться на особого вида переживания – мистические переживания, или мистический опыт, причём в этих случаях утверждается, что для источника такого рода знания бессильна всякая речь, не только логическая, но и любая вообще речь, но этот опыт как бы “неизречён”, как бы “ультрарелигиозен”. А здесь, на наш взгляд, интересно, что у самого Шпета мы видим, как несколько иносказательно говорится о содержании мистического опыта. Мистическое содержание опыта окутано обычно флёром алогичности, арациональности, и Шпет сознавался здесь, что: «...та “рационализация” мистического опыта, которую нам преподносят в виде таких даров Востока, как гностицизм или теософия, есть явление глубоко отвратительное и эстетически отталкивающее ... оно столь же безобразно и логически» [15, с. 503]. Шпет подчёркивал, что во всех описаниях мистических, псевдофилософских и религиозных разновидностей опыта как особых типов интерпретаций сама философия, как знание и как

чистое знание, иначе как в логической форме ответов дать не может.

Критики логики нацеливают перо и на критику понятий, но Шпет указывал, что здесь их опровержения касаются сравнения объёмов понятий. «Значение слова лежит в его содержании, содержанием же является всё, что есть, что переживается, что сознаётся», а поэтому, «если мы не только конципируем понятия, но и понимаем их, то через понятия, как знаки, мы улавливаем всё, что обозначают эти знаки» [15, с. 504]. Отсюда Шпет переводит вопрос логики в плоскость понимания, интерпретации смыслов и утверждает, что поэтому понятие не статично – “фотографично”, но оно “живёт”, движется, увеличивается или уменьшается. А так как понятие связано в выражении со словами, слова, оказываясь некими инструментами, влияют на изменения понятий. А отсюда уже Шпет сделал закономерный вывод, что познание является, по сути, эмпирическим и одновременно оно историческое. Поэтому «историческое познание есть познание интерпретирующее, герменевтическое, требующее понимания. Логика исторического познания, говоря конкретно, есть логика принципиально семасиологическая, принципиально всеобъемлющая» [15, с. 505], справедливо заключал отечественный мыслитель. Поэтому отсюда философия является и исторической философией, но также и герменевтикой, интерпретацией и пониманием [13, с. 139, 140]. Шпет настаивал, что здесь философия становится “чистой историей”, а поскольку она всё время находится в “анамнесисе”, в припоминании, то она и становится такой чистой историей сознания. Отсюда логика этой истории есть диалектика.

Здесь Шпет вновь апеллировал к Платону, когда говорил о процессе эйдетического познания. Например, при представлении признаков треугольника мы называем в нашей идеальной интуиции все существенные признаки треугольника. Но при этом философия как чистая наука имеет дело с предметными категориями, поскольку она как бы и “материальна”. В этом смысле философия обладает ещё и временным измерением: она перемещается в будущее и свободно возвращается в настоящее, затем при историческом сравнении она может оказаться и в настоящем прошлом. Но это будет моделированием. Шпет утверждает, что слово-понятие для нас есть не только “объём” значений, но и знак, который требует понимания и требует интерпретации. Поэтому «логика носит для нас существенно герменевтический характер и накладывает эту свою печать на всю философию как чистое знание» [15, с. 508]. Но философии мало увидеть “эйдос” в рефлексии на сознание – его нужно ещё понимать, а это достигается в акте суждения. Шпет писал, что у Платона есть “педагогическое” изображение философа: «философ устремляет свою мысль на истинно-сущее...» [15, с. 516], и в этом созерцании он приближается к сущему, как бы повторяя его, он приближается, уподобляется сущему. Здесь Шпет говорит о том, что философ преобразуется, осуществляя таким образом живую связь между истиной и делом. В этом и есть педагогическое значение философии, а не выводы и не то, что она может решить или помочь решить вопросы о смысле жизни. Поэтому Шпет провёл резкую порубежную черту между чистой философией,

которую он обозначал как Афины, или философия и человечность, отделив её от Иерусалима, или от мудрости и Востока [15, с. 523].

Таким образом, диалектическое единство философии и логики демонстрирует, что в качестве фундаментального основания для философии принимается логика, а за формализацией логики находится логика вещей и отношений, где под этой естественной логикой понимается интуитивная логика. В этой философской структуре интуитивная логика будет именно базовой, исходной и фундаментальной логикой для других логик, в том числе и формальных, символических, поскольку в ней проводится как некий философский принцип – принцип обращения к самому положению вещей, к самоочевидности, к прямому усматриванию истины. Этот процесс, в свою очередь, напоминает знаменитый аргумент Аристотеля, который называется “третий человек”. Суть этого аргумента, восходившего к интерпретации Платоном человека, заключалась в следующем: “первый” человек – человек как предмет чувственного восприятия, “второй” человек – это “идея” человека как умозрительного первообраза человека в бестелесном мире идей. Но так как, согласно учению Платона, для всего сходного должна существовать в качестве причины этого сходства идея его, то кроме собственно человека и умопостигаемого человека должен существовать и третий человек – “идея”, обуславливающая сходство между человеком “первым” и “вторым”, как об этом писал В.Ф. Асмус [1, с. 78]. Но вместе с тем здесь возникала и определенная трудность – где же остановиться?

В отечественной традиции духовно-академической философии, как подчёркивала И.В. Цвык, «поскольку верховной целью практически всех академических философских интерпретаций религиозных идей являлось познание Высшего Бытия – Бога, духовно-академическая теория познания была онтологизирована» [11, с. 282]. В этом смысле онтологический опыт познания является преимущественным, поскольку в нём кладётся предел, некая реальная остановка. Мы далее не можем определять одно через другое, процесс вечного уточнения завершается.

Подход к пониманию сущности философии Шпета иллюстрировал собой не только его и Гуссерля идею о философии как строгой науке, но и более фундаментальное различие в постановке вопроса о кризисе русской философии и русской культуры. Как писал М.А. Маслин, при постановке вопроса о кризисе русской философии речь должна идти не о философии, понимаемой как “невегласии” (по Г.Г. Шпету). Маслин усматривал, что именно «“кризис византизма” и “выпадение из патристической традиции” роковым образом преследует русскую мысль на протяжении всех последующих столетий...» [6, с. 351], и именно этой причиной обуславливалось неприятие, в частности, Шпетом русской философии как “невегласия” и философии как “мудрости”.

В данном отношении нам представляется важным указать на значение усилий многих отечественных учёных и философов, в том числе и Г.Г. Шпета, по включению логики как базовой дисциплины в философию. Можно отметить, что взгляды Шпета сближались с концепцией “переноса” в логике М.И. Каринского [14], идеи последнего повлияли на становление логики в послереволюционный период, а также и в 1940 и 1950 гг. [5, с. 152; 7, с. 132], когда логику вернули в университеты согласно постановлению 1943 г.

Густав Густавович Шпет в своей статье, вне всякого сомнения, попытался примирить два подхода к философствованию. С одной стороны, тот подход, где он усматривал “нравственное”, или духовное начало, увязывавшееся с подвижничеством или, например, с уходом Толстого, переживавшим душевный кризис. Шпет отвергал этот подход, в котором ему была чужда и нестерпима ограниченность положительной морали и нестерпимы самомнение и самодовольство теистического Востока. Однако симпатии отечественного мыслителя были на стороне критического рационализма, положительной философии, которая, по его убеждению, ближе стояла к своему подлинному идеалу чистой философии. Поэтому выбор Шпета был за философией и человечностью, за Афинами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмус В.Ф. Платон. 2-е изд. М.: УРСС, 2005. 158 с.
2. Денн М., Пружинин Б.И., Синеокая Ю.В., Щедрина Т.Г. Густав Шпет и Лев Шестов: друзья и антиподы (две интерпретации феноменологии Эдмунда Гуссерля) – Продолжение дискуссии // Философский журнал. 2017. Т. 10. № 1. С. 48–57.

3. Каринский М.И. Классификация выводов // Избранные труды русских логиков XIX века. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 265–344.
4. Каринский М.И. Об истинах самоочевидных. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 200 с.
5. Кирсанов С.Н. Из истории возрождения логики в СССР в 1941–1946 гг. Часть II // Логические исследования. 2016. Т. 22. № 1. С. 145–170.
6. Маслин М.А. Разноликость и единство русской философии. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2017. 526 с.
7. Орлова Н.Х., Соловьев С.В. Из истории логики в дореволюционной России: стратегии академического взаимодействия // Логические исследования. 2016. Т. 22. № 2. С. 123–154.
8. Платон. Парменид // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 346–412.
9. Попова В.С. Г.Г. Шпет о логике и её связи с философскими дисциплинами // Девятые Смирновские чтения: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 17–19 июня 2015 г. М.: Современные тетради, 2015. С. 124–126.
10. Степун Ф.А. Жизнь и творчество / коммент. И.М. Чубарова // Логос. 1991. № 1. С. 98–121; 1993. № 4. С. 239–267.
11. Цвык И.В. Духовно-академическая философия в России XIX в.: монография. М.: Российский университет дружбы народов, 2002. 333 с.
12. Чубаров И.М. Шпет Г.Г. // Русская философия: энциклопедия / под общ. ред. М.А. Маслина. М.: Книжный клуб Книгобек, 2014. С. 782–784.
13. Шевцов А.В. М.И. Каринский и русская гносеология конца XIX – начала XX века. М.: Мир философии, 2017. 303 с.
14. Шевцов А.В. Философские воззрения М.И. Каринского: дис. ... канд. филос. наук. М., 2014. 189 с.
15. Шпет Г.Г. Мудрость или разум? // Шпет Г.Г. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 458–523.

REFERENCES

1. Asmus V.F. *Platon* [Plato]. Moscow, URSS Publ., 2005. 158 p.
2. Denn M., Pruzhinin B.I., Sineokaya Yu.V., Shchedrina T.G. [Gustav Spet and Lev Shestov: Friends and Antipodes (Two Interpretations of Edmund Husserl's Phenomenology) – Continuation of the Discussion]. In: *Filosofskii zhurnal* [Philosophy Journal], 2017, vol. 10, no. 1, pp. 48–57.
3. Karinsky M.I. [Classification of Findings]. In: *Izbrannye trudy russkikh logikov XIX veka* [Selected Works of Russian Logicians of the Nineteenth Century]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences Publ., 1956, pp. 265–344.
4. Karinsky M.I. *Ob istinakh samoochevidnykh* [On Self-Evident Truths]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2011. 200 p.
5. Kirsanov S.N. [From the History of the Revival of Logic in the USSR in 1941–1946. Part II]. In: *Logicheskie issledovaniya* [Research in Logic], 2016, vol. 22, no. 1, pp. 145–170.
6. Maslin M.A. *Raznolikost' i edinstvo russkoi filosofii* [Diversity and Unity of the Russian Philosophy]. St. Petersburg, Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2017. 526 p.
7. Orlova N.Kh., Solov'ev S.V. [From the History of Logic in Pre-Revolutionary Russia: Strategies for Academic Interaction]. In: *Logicheskie issledovaniya* [Research in Logic], 2016, vol. 22, no. 2, pp. 123–154.
8. Plato. *Parmenid* [Parmenides]. In: *Plato. Sobranie sochinenii. T. 2* [Coll. works. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1993, pp. 346–412.

9. Popova V.S. [G.G. Shpet on Logic and Its Relation to Philosophical Disciplines]. In: *Devyatye Smirnovskie chteniya: materialy Mezhdunar. nauch. konf., Moskva, 17–19 iyunya 2015 g.* [The Ninth Smirnov Readings: Materials of the Intern. Sci. Conf., Moscow, June 17–19, 2015]. Moscow, Modern notebooks Publ., 2015, pp. 124–126.
10. Stepun F.A. [Life and Work]. In: *Logos*, 1991, no. 1. pp. 98–121; 1993, no. 4, pp. 239–267.
11. Tsvyk I.V. *Dukhovno-akademicheskaya filosofiya v Rossii XIX v.* [Spiritual-Academic Philosophy in Russia of the 19th Century]. Moscow, RUDN Publ., 2002. 333 p.
12. Chubarov I.M. [Shpet G.G.]. In: *Russkaya filosofiya: entsiklopediya* [Russian Philosophy: Encyclopedia]. Moscow, Book Club Knigovok Publ., 2014, pp. 782–784.
13. Shevtsov A.V. *M.I. Karinskii i russkaya gnoseologiya kontsa XIX – nachala XX veka* [Karinsky and Russian Gnoseology of the late 19th – early 20th century]. Moscow, The World of Philosophy Publ., 2017. 303 p.
14. Shevtsov A.V. *Filosofskie vozзreniya M.I. Karinskogo: dis. ... kand. filos. nauk* [M.I. Kurinsky's Philosophical Views: PhD Thesis in Philosophy]. Moscow, 2014. 189 p.
15. Shpet G.G. [Wisdom or Reason?]. In: Shpet G.G. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 458–523.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шевцов Александр Викторович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Московского авиационного института (Национального исследовательского университета);
e-mail: ashevzov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Shevtsov – PhD in Philosophy, senior lecturer at the Department of Philosophy, Moscow Aviation Institute (National Research University);
e-mail: ashevzov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шевцов А.В. Платонизм у Г.Г. Шпета и о сущности и задачах философии (к 100-летию выхода статьи «Мудрость или разум?») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 1. С. 121-130

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-121-130

FOR CITATION

Shevtsov A.V. G.G. Shpet's Platonism and on the Essence and Tasks of Philosophy (to the 100th Anniversary of the Publication of the Article "Wisdom or Reason?"). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 1, pp. 121-130

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-121-130